# Формы крестьянскаго землепользованія по трудамъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ.

## I.

Мѣстные комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности удѣлили сравнительно много вниманія и силъ вопросамъ крестьянскаго землевладѣнія. Но постановленія ихъ по этимъ вопросамъ существеннымъ образомъ отличаются отъ ихъ взглядовъ на народное образованіе, правовое положеніе крестьянъ, земское самоуправленіе, финансовую политику и т. под. вопросы; разница эта обусловлена составомъ комитетовъ. Какъ извѣстно, въ нихъ участвовали по преимуществу землевладѣльцы и, отчасти, представители администраціи; крестьяне въ нѣкоторыхъ комитетахъ совсѣмъ не участвовали, въ другихъ—принимали пассивное участіе и лишь въ немногихъ они могли дѣятельно проводить свои взгляды и отстаивать свои интересы. Поэтому, постановленія комитетовъ по общимъ политическимъ вопросамъ, въ одинаковой мѣрѣ затрогивающимъ всѣхъ русскихъ гражданъ, къ какому бы общественному классу они ни принадлежали, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія: по этимъ вопросамъ отсутствіе крестьянъ не могло быть роковымъ. Несмотря на свой неудовлетворительный составъ, по этимъ общимъ для всѣхъ гражданъ вопросамъ комитеты могли болѣе или менѣе удовлетворительно выразить народныя требованія. Но уже съ рабочимъ вопросомъ комитеты справиться не могли: въ немъ, въ этомъ вопросѣ, на ряду съ политическою стороною, рѣзко выступаетъ соціально-классовая сторона, и комитеты, составленные исключительно изъ

представителей имущаго класса, оказались безсильны указать пути для удовлетворенія назрѣвшихъ нуждъ. Въ этомъ вопросѣ, вмѣсто защиты интересовъ всего народа въ цѣломъ, они занялись защитою интересовъ своего класса

Въ еще болѣе затруднительное положеніе попали комитеты при обсужденіи вопроса объ общинѣ. Община, какъ форма землепользованія крестьянъ, является вопросомъ, совершенно чуждымъ имущимъ классамъ. Землевладѣльцы и чиновники могутъ имѣть по вопросу объ общинѣ тѣ или другія мнѣнія, но у нихъ нѣтъ по этому вопросу тѣхъ или другихъ интересовъ. Они чужды общинѣ и относятся къ ней, какъ къ предмету наблюденія и изученія. Иначе относится къ ней крестьянинъ. Для него община—одна изъ формъ его жизни, общественное отношеніе, удовлетворяющее его интересамъ или нарушающее ихъ. Крестьянинъ относится къ общинѣ не какъ сторонній наблюдатель, а какъ лицо, живущее въ общинѣ, его отношеніе къ ней не объективно, а субъективно. Слѣдовательно, только сужденія крестьянъ могутъ уяснить законодательной власти назрѣвшія реформы въ области крестьянскаго землепользованія. Сужденія же сторонних людей, — въ данномъ случаѣ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, — могутъ имѣть только теоретическое значеніе. Поэтому въ вопросѣ объ общинѣ, въ противоположность политическимъ вопросамъ, намъ интересны не столько постановленія комитетовъ, сколько пренія и доклады.

Сознаніе того, что вопросы землепользованія являются частнымъ дѣломъ крестьянъ, чуждымъ имущимъ классамъ, привело многіе комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности къ отрицательному отношенію, какъ къ насильственному уничтоженію общины, такъ и къ искусственному поддержанію ея. Требованіе гражданскаго полноправія крестьянъ, за которое высказалось такъ много комитетовъ, уже заключаетъ въ себѣ болѣе узкое требованіе предоставленія имъ полной свободы перехода отъ одной формы землепользованія къ другой.

Другіе комитеты, напротивъ, признали, что вопросы крестьянскаго землепользованія должны разрѣшаться не съ точки зрѣнія интересовъ крестьянъ, пользующихся тою или другою формою землепользованія, а съ точки зрѣнія интересовъ правительства и имущихъ классовъ; для этихъ комитетовъ, поэтому, вопросъ объ общинѣ

превратился въ вопросъ о полезности или вредности общины для крупныхъ землевладѣльцевъ и существующаго правительства.

Такъ, во многихъ комитетахъ указывалось, что общинное землевладѣніе мѣшаетъ развитію твердыхъ понятій о частной собственности, насаждаетъ идею соціализма. Дмитровскій комитетъ призналъ, что „для укрѣпленія въ народѣ чувства уваженія къ праву поземельной собственности нуженъ переходъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному". Кн. А. Д. Голицынъ въ харьковскомъ у. комитетѣ ставилъ общинѣ на счетъ аграрные безпорядки въ Полтавской и Харьковской губ.: „Возможны ли были бы они (эти безпорядки),—говорилъ онъ,—если бы у насъ во всѣхъ сословіяхъ населенія процвѣтала бы и признавалась собственность, — эта основа всякаго государства. Конечно, это было бы немыслимо и (стало) возможно лишь тогда, когда $^4/_5$ всего населенія, не зная, что такое собственность, охотно признаетъ всѣхъ собственниковъ лишь временными пользователями своей земли, идетъ на нихъ, грабитъ ихъ, а землю, какъ общее достояніе, дѣлитъ между собою". А. И. Коптевъ докладывалъ тульскому губ. комитету: „Конечно, самое понятіе объ общинѣ могло возникнуть среди членовъ редакціонныхъ комиссій лишь подъ вліяніемъ революціонныхъ идей Запада, и они наградили Россію такимъ учрежденіемъ, какого до сихъ поръ не достигли еще коммунары Европы". Съ другой стороны, въ комитетахъ указывалось, что крестьянинъ-общинникъ—лучшій консерваторъ въ мірѣ, что община „есть такая основа порядка, такая благодать, лучше которой и желать ничего нельзя". Община спасетъ насъ отъ безпорядковъ, подобныхъ харьковскимъ и полтавскимъ.

Съ охранительной точки зрѣнія наиболѣе цѣнною стороною общиннаго землевладѣнія является то, что она предохраняетъ Россію отъ „язвы пролетаріата". Такъ, В. С. Соколовъ докладывалъ Костромскому губ. комитету: сохранить общину „Особенно необходимо въ виду тѣхъ примѣровъ, которые являетъ намъ исторія Западной Европы. Имѣя въ виду эти страшные примѣры, я боюсь, что и мы, разрушивши въ настоящій моментъ общину, сами ниспровергнемъ тотъ оплотъ, который призванъ обезопасить государство и общество отъ многомилліонной, дикой, голодной, холодной, оборванной толпы людей, не имѣющихъ даже сумы за плечами, а лишь однѣ рабочія руки. И эти-то милліоны ничто уже не въ силахъ будетъ остановить, когда они, не дай Богъ, при какомъ-нибудь будущемъ кри-

зисѣ, при безработицѣ въ промышленности, протянутъ свои руки на захватъ чужого имущества, на разрушеніе самыхъ основъ государства и права собственности. Вотъ того-то я и боюсь, что однимъ необдуманнымъ шагомъ мы сами вызовемъ анархію въ будущемъ и погубимъ тѣмъ государство и вмѣстѣ себя самихъ, или, по крайней мѣрѣ, нашихъ внуковъ". —Съ другой стороны, А. А. Сабуровъ указывалъ въ козловскомъ комитетѣ, что при сохраненіи принципа 1861 года, въ силу котораго всѣ крестьяне должны быть землевладѣльцами, „надѣлы будутъ все болѣе и болѣе уменьшаться, и всѣ крестьяне, сдѣлавшись нищими, придутъ въ такое безвыходное положеніе, которое не можетъ не угрожать серьезной опасностью благосостоянію и спокойствію страны". Вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраненіе общины мѣшаетъ образованію класса безземельныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, и, слѣдовательно, развитію помѣщичьихъ хозяйствъ.

Наконецъ, какъ указывалъ Л. К. Домейко въ слонимскомъ комитетѣ, „разселеніе, разъединяя нѣкоторымъ образомъ сельское населеніе, сдѣлаетъ менѣе доступными всякія стачки, нападенія толпою и солидарность въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ частнымъ владѣльцамъ и власти". Но, съ другой стороны, Н. П. Масленниковъ находилъ въ бердичевскомъ комитетѣ, что разселеніе крестьянъ на хутора „нежелательно, ибо это ихъ отдалитъ отъ нравственнаго, санитарнаго и полицейскаго надзора и поведетъ за собою умноженіе раскольничьихъ и безпоповскихъ сектъ, къ распространенію болѣзней, къ укрывательству случаевъ эпидемическихъ заболѣваній и къ сокрытію всякаго рода уголовныхъ преступленій. При хуторномъ разселеніи полиція, власти и церковь окажутся безсильны". Въ гайсинскомъ комитетѣ указывалось, что „разселеніе крестьянъ очень затруднитъ сборъ ихъ на поденныя и другія работы въ большія экономіи".

Мы видимъ отсюда, что есть охранители-сторонники общины, и охранители-противники ея. Для насъ всѣ эти охранительныя соображенія совершенно не интересны. Но есть одна охранительная теорія, пройти мимо которой мы не можемъ, такъ какъ ея охранительный характеръ въ извѣстной степени замаскированъ, благодаря чему она не лишена нѣкотораго соблазна.

Теорія эта состоитъ въ томъ, что община является источникомъ

всѣхъ бѣдъ крестьянскаго хозяйства *) Поэтому, радикальною мѣрою улучшенія крестьянскаго быта является уничтоженіе общиннаго землевладѣнія; всѣ прочія мѣры въ области народнаго образованія, крестьянскаго правопорядка, земскаго самоуправленія, финансовой и земельной политики—только палліативы **). Этотъ взглядъ довольно ярко выраженъ Ф. Грауздинымъ въ шадринскомъ комитетѣ: „Мы выдумали такую массу насущныхъ задачъ: агрономическихъ, общекультурныхъ, экономическихъ, юридическихъ и всякихъ иныхъ, что въ этой массѣ совершенно теряется основная задача—задача преобразованія первобытнаго земельнаго строя". Съ этой точки зрѣнія культурныя, юридическія или экономическія реформы—простая выдумка досужихъ людей; ничего этого не нужно народу, ему нужна лишь перемѣна формы землевладѣнія. Введеніе подворнаго землевладѣнія—вотъ панацея отъ всѣхъ золъ нашей народной жизни. Такъ какъ рѣшительное большинство сельскохозяйственныхъ комитетовъ высказалось за упомянутыя реформы, то, очевидно, разсматриваемый нами взглядъ на общину пользуется весьма ограниченнымъ распространеніемъ. Отношеніе большинства комитетовъ къ этому мнѣнію весьма удачно изложено П Н. Ковалевскимъ. „Есть довольно широкій кругъ лицъ,- докладывалъ онъ харьковскому губ. комитету, - которыя въ общинѣ видятъ непреодолимое препятствіе для подъема урожайности надѣльныхъ земель. Не отрицая того, что общинное землевладѣніе вноситъ нѣкоторое лишнее вредное сопротивленіе въ дѣло развитія улучшенныхъ пріемовъ земледѣлія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, не слѣдуетъ на долю общины относить слишкомъ много и преувеличивать ея значеніе въ ряду причинъ, вызывающихъ наше оскудѣніе. На практикѣ мы видимъ, что есть уѣзды, гдѣ община не помѣшала внести на надѣльныхъ земляхъ въ правильный сѣвооборотъ травосѣяніе; на ряду съ этимъ мы знаемъ не мало мѣстностей (напр., Полтавской и Черниговской губ.), гдѣ преобладаетъ подворное землепользованіе, и гдѣ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, при подворномъ землепользованіи оскудѣніе крестьянскаго хозяйства идетъ съ такой же стремительной быстротой, какъ и въ

*) Цитированный выше кн. А Д. Голицинъ полагаетъ, что община является причиною оскудѣнія центральныхъ земледѣльческихъ губерній

**) Съ уничтоженіемъ общины крестьянское хозяйство само собою и при томъ быстро улучшится

сосѣднихъ мѣстностяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ. Слѣдовательно, причину этого оскудѣнія надо искать глубже, чѣмъ въ той или другой формѣ крестьянскаго землепользованія". Въ комитетахъ Костромской, Курской и Тамбовской губ. указывалось, что уровень сельскохозяйственной техники стоитъ одинаково низко какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ землевладѣніи. Поэтому, какъ замѣчаетъ М. Н. Буткевичъ въ тихвинскомъ комитетѣ, „причинъ невзгодъ, переживаемыхъ земледѣльческимъ населеніемъ, надо искать не въ порядкѣ землепользованія, а въ совокупности неблагопріятныхъ условій столько же экономическихъ, сколько культурныхъ и правовыхъ".

Въ дальнѣйшемъ мы попытаемся дать оцѣнку общинныхъ порядковъ съ точки зрѣнія интересовъ крестьянъ, эволюціонирующихъ подъ вліяніемъ измѣняющихся экономическихъ отношеній и культурно-правовыхъ условій. Какъ все въ мірѣ, община подлежитъ развитію. Какъ правовая норма, регулирующая извѣстныя имущественныя отношенія, община не можетъ не измѣняться съ измѣненіемъ экономическихъ отношеній производства въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

## II.

Община обезпечиваетъ всѣмъ своимъ членамъ равное право на принадлежащій ей земельный фондъ; при передѣльной общинѣ, господствующей въ Россіи, право это реализуется путемъ періодическихъ передѣловъ общинной земли между членами общины.

Признавая за всѣми своими членами равное право на землю, община должна бы была спасать своихъ членовъ отъ обезземеленія. Достиженію этой основной цѣли общиннаго землевладѣнія мѣшаютъ два обстоятельства. Во-первыхъ, принадлежащій общинѣ земельный фондъ представляетъ собою величину неизмѣнную; число же общинниковъ, благодаря приросту населенія, неопредѣленно увеличивается. На долю отдѣльнаго общинника приходится, съ теченіемъ времени, все меньшая и меньшая часть общинной земли. Конечно, убыль земельнаго надѣла могла бы быть возмѣщена интенсификаціей хозяйства, ведущагося на немъ; но для всякой интенсификаціи нужны средства, а общинное землевладѣніе, какъ таковое, вовсе не обезпечиваетъ этихъ средствъ своимъ членамъ. Присутствіе или отсутствіе у общинниковъ этихъ средствъ зависитъ отъ посторонннихъ

причинъ, лежащихъ внѣ общины,—отъ соціально-классовыхъ и политическихъ условій, въ которыхъ живетъ данная община. Во-вторыхъ, община утверждаетъ за каждымъ своимъ членомъ принципіальное право на владѣніе землею; но чтобы воспользоваться этимъ правомъ, необходимы средства—живой и мертвый инвентарь и проч. Община, не обезпечивая своимъ членамъ нужныхъ средствъ, не можетъ имъ обезпечить дѣйствительнаго владѣнія и пользованія землею. Наличность или отсутствіе у членовъ общины нужныхъ матеріальныхъ средствъ зависитъ отъ условій, лежащихъ внѣ общины: поэтому-то мы и находимъ въ общинѣ большой процентъ безхозяйныхъ и безлошадныхъ хозяйствъ. Такимъ образомъ, благодаря господствующимъ соціально-классовымъ и политическимъ условіямъ, община не достигаетъ своей основной цѣли—предохраненія своихъ членовъ отъ обезземеленія. При существующихъ условіяхъ, община не способна помѣшать пролетаризаціи крестьянства. Рядомъ съ этимъ процессомъ происходитъ другой—пауперизація, общее обѣднѣніе, обнищаніе крестьянства. Крестьянинъ-общинникъ остается сидѣть на землѣ, продолжаетъ ее обрабатывать, но доходъ, получаемый имъ съ надѣла, понижается все болѣе и болѣе, понижается уровень его жизни, появляется недоѣданіе и голодъ, уничтоженіе сельскохозяйственнаго инвентаря. Однимъ словомъ, какъ указывалось въ ардатовскомъ комитетѣ, „крестьянство спускается до положенія нищенства“, въ немъ совершается „массовое развитіе нищенства“. Эта пауперизація крестьянства—явленіе совсѣмъ другого порядка, чѣмъ его пролетаризація Человѣкъ, лишившійся экономической самостоятельности, обладаетъ при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ обезпеченнымъ положеніемъ и высокимъ уровнемъ жизни; примѣръ—положеніе рабочихъ въ Зап. Европѣ, Америкѣ, Австраліи. Такой „пролетарій“ по своему уровню жизни, культурному развитію и правамъ стоитъ безконечно выше нашего крестьянина—„самостоятельнаго хозяина“. Пролетаризація массъ есть результатъ развитія новыхъ экономическихъ отношеній, вовсе не влекущихъ за собой обязательной пауперизаціи народныхъ массъ. Напротивъ, эта пауперизація можетъ достичь, какъ мы видимъ въ русской деревнѣ, крайнихъ степеней развитія безъ возникновенія капиталистическихъ отношеній найма.

Если община можетъ противодѣйствовать развитію пролетаріата, то она совершенно безсильна въ борьбѣ противъ пауперизаціи на-

родныхъ массъ. Причина пауперизма—въ эксплоатаціи общины классомъ землевладѣльцевъ и главнымъ образомъ, въ финансовой политикѣ правительства, апропріирующаго каждый добытый общинникомъ рубль.

Равное право всѣхъ общинниковъ на земельный фондъ общины осуществляется путемъ отвода имъ надѣловъ, равныхъ не только по площади, но и по качеству, — причемъ принимается во вниманіе главнымъ образомъ урожайность различныхъ частей общинной земли и ихъ разстояніе отъ крестьянскихъ угодій. Отсюда дѣленіе общинной земли на полосы, нивки, ручники или шнуры. Во многихъ губерніяхъ ширина полосъ достигаетъ сажени и менѣе; пахать ихъ можно только вдоль, причемъ изъ полосы образуется грядка, у межъ слой плодородной почвы сводится почти на нѣтъ: такія полосы трудно даже бороновать; изъ-подъ клевера, при пахотѣ въ одну сто ону, такую полосу рѣшительно невозможно разработать въ одинъ годъ При посѣвѣ хозяинъ такой полосы неизбѣжно засѣвается къ сосѣду. Чѣмъ крупнѣе община, тѣмъ больше черезполосица и тѣмъ дальше расположены поля отъ дворовъ. Однако, черезполосица свойственна не только общинному землевладѣнію; при подворномъ (но не хуторскомъ) владѣніи, какъ указывалось въ комитетахъ Владимірской, Курской, Орловской и Тульской губ., черезполосность развита еще значительнѣе. Такъ, въ Курской губ. земля четверного права изъ-за ея раздробленности, продается обыкновенно за 30 руб. десятина, тогда какъ десятина частновладѣльческой земли (въ одной межѣ) идетъ за 200—300 руб

Поэтому черезполосность нельзя ставить въ пассивъ общинному землевладѣнію. Коренной недостатокъ этой формы землепользованія состоитъ не въ дробности полосъ, а во временномъ пользованіи полосами, въ переходѣ полосъ отъ одного домохозяина къ другому. Такое временное пользованіе землею создастъ къ ней чисто арендаторское отношеніе: ея временный хозяинъ старается вложить въ нее возможно меньше, взять изъ нея возможно больше. Обстоятельство это является серьезной помѣхой для различныхъ сельскохозяйственныхъ мелiорацій и вызываетъ чисто хищническое отношеніе къ землѣ. Въ комитетахъ Нижегородской, Пермской, Рязанской и Тульской губ. указывалось, что за 3—4 года до передѣла, иногда и за болѣе продолжительный срокъ, крестьяне перестаютъ унаваживать свои поля. Объ улучшеніи физическихъ свойствъ надѣльныхъ земель на-

возкой торфа, глины или песку, конечно, и рѣчи быть не можетъ. Надѣльные луга, въ виду частыхъ передѣловъ, нѣтъ смысла улучшать бороновапіемъ, подсѣвомъ травъ и удобреніемъ; ихъ не очищаютъ отъ кочекъ и кустарника, не проводятся необходимыя канавы для осушенія. Наконецъ, какъ указывалось въ старорусскомъ и кашинскомъ комитетахъ, существующая система передѣловъ приводитъ къ крайнему истощенію земли посѣвами льна. Плохіе хозяева отдаютъ свои полосы подъ посѣвы льна, первые годы получая рублей 30—35 за десятину, а затѣмъ, по мѣрѣ истощенія земли, все меньше и меньше. Наступаетъ передѣлъ — истощенная земля отходитъ отъ хищника-хозяина, и вмѣсто нея онъ получаетъ иногда хорошую землю отъ рачительнаго хозяина, — новый матеріалъ для хищническаго хозяйства. Во многихъ комитетахъ указывалось на необходимость огражденія домохозяевъ отъ убытковъ при передѣлѣ земли, путемъ оплаты произведенныхъ ими и неиспользованныхъ меліорацій.

Отсутствіе въ нашей общинѣ индивидуальнаго права на сельскохозяйственныя улучшенія, несомнѣнно, является помѣхою для развитія сельскохозяйственной техники. Но не слѣдуетъ преувеличивать значенія этой помѣхи. Вѣдь всякая мелiорація прежде всего стоитъ денегъ,— сверхъ права на мелiорацію нужно имѣть еще средства на мелiорацію. Если передѣлы могутъ мѣшать улучшенію земли, то они никоимъ образомъ не препятствуютъ улучшенію крестьянскаго инвентаря. Въ какомъ же положеніи находится этотъ инвентарь? Есть ли у крестьянъ теплыя и большія избы, крѣпкія хозяйственныя постройки, хорошій скотъ, хорошія земледѣльческія орудія, доброкачественныя сѣмена для посѣва? Много ли въ русской деревнѣ плуговъ, желѣзныхъ боронъ, вѣялокъ и молотилокъ? Не община виновата въ низкомъ уровнѣ техники крестьянскаго хозяйства, а другія причины, распространяющія свое дѣйствіе какъ на общинное, такъ и на подворное крестьянское хозяйство. Съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, когда у крестьянъ появляется возможность производить сельскохозяйственныя улучшенія, община очень быстро признаетъ за ними права на плоды ихъ трудовъ и затратъ. Въ Нижегородской губ. такъ называемые „навозники“ никогда не передѣляются. Въ тульскомъ губ. комитетѣ указывалось, что въ этой губерніи давно вошло въ обычай вознаграждать домохозяевъ, улучшившихъ свой надѣлъ. Аналогичное замѣчаніе было сдѣлано въ елецкомъ комитетѣ. По свидѣтельству А. З. Попова въ корочанскомъ комитетѣ, „сельскіе сходы стали приходить къ заклю-

ченію, что достигнутые трудомъ и расходами результаты ихъ отдѣльныхъ членовъ не должны быть уничтожаемы и потому приговорами своими, утверждаемыми установленными властями, стали узакопять, что такіе „захваченные“ участки передѣлу не должны подлежать, а должны оставаться въ исключительномъ пользованіи ихъ хозяевъ. Слѣдовательно, сами сельскія общества среди общиннаго владѣнія по требованію времени стали образовывать участки, принадлежащіе въ отдѣльную собственность, то есть нѣчто въ родѣ частнаго владѣнія и при этомъ продаваемаго и покупаемаго. Но и въ указанныхъ выше случаяхъ... за всякую потомъ обработанную сажень общества при передѣлахъ отбираютъ у нихъ по двѣ сажени земли въ полѣ“. Къ этому же кругу явленій принадлежатъ такъ называемыя „сотки“ или „сотни“ въ Кашинскомъ, Мологскомъ и Мышкинскомъ уѣздахъ. Такъ называются округлые участки земли въ $^1/_{12}$ —$^1/_4$ дес., большею частью въ $^1/_8$ дес., на которые разбиваются поля вмѣ то узкихъ полосъ; разъ произведенное дѣленіе на „сотни“ не подлежитъ измѣненію въ случаѣ новаго передѣла, происходитъ лишь иное распредѣленіе „сотенъ“ между домохозяевами, причемъ большинство участковъ остается въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ.

Всѣ эти явленія показываютъ, что общинные порядки не имѣютъ характера окаменѣвшей, мертвой догмы, а представляютъ собою вполнѣ жизненное отношеніе, быстро реагирующее на всякое измѣненіе въ экономикѣ крестьянскаго хозяйства Если община не признаетъ за своими членами права на индивидуальныя улучшенія, то потому лишь, что этихъ улучшеній нѣтъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, такъ какъ для нихъ нѣтъ средствъ. Какъ и другія правовыя нормы, нормы общиннаго землевладѣнія весьма легко поддаются вліянію новыхъ экономическихъ отношеній [*]). Устарѣлыя правовыя

---

[1]) Ср записку Ф Г. Тернера, поданную въ особое совѣщаніе „Не (земледѣльческая) культура слѣдуетъ за формою землевладѣнія, а форма землевладѣнія слѣдуетъ за культурою Существенныя измѣненія въ формѣ культуры вызываютъ обыкновенно соотвѣтствующія измѣненія въ формѣ землевладѣнія, а не наоборотъ. Въ нѣкоторыхъ степныхъ губерніяхъ, въ которыхъ земледѣліе имѣетъ еще самый примитивный, почти залежный характеръ, гдѣ удобреніе еще не существуетъ, передѣлы происходили въ весьма краткіе сроки, нерѣдко изъ года въ годъ. Напротивъ того, въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ уже давно приступили къ упаваживанію

нормы безсильны задержать экономическій прогрессъ; онѣ никогда не служатъ ему помѣхой,—онѣ являются лишь симптомомъ экономической отсталости. Въ такомъ же положеніи находится и наша община. Въ этомъ отношеніи весьма интересны замѣчанія, высказанныя А. Д. Филипповичемъ въ старорусскомъ комитетѣ. По мнѣнію г. Филипповича, „въ общинахъ такъ же, какъ и у мелкихъ собственниковъ, дробленіе полосъ происходитъ сильнѣе тамъ, гдѣ еще не совершилось всеобщаго перехода къ навозному хозяйству; въ нечерноземной полосѣ, гдѣ навозъ играетъ болѣе важную роль, чѣмъ естественное плодородіе почвъ, пахатныя земли рѣже подвергаются передѣлу, но зато ежегодно дѣлятся покосы, служащіе основою для производства навоза. Въ мѣстностяхъ, гдѣ, несмотря на общину, быстро распространяются сельскохозяйственныя улучшенія: клеверъ, искусственныя удобренія, плуги и т. п., тамъ встрѣчаются уже случаи затягиванія передѣловъ или желаніе передѣлить поля на болѣе крупныя полосы, т. е. община по своей иниціативѣ отказывается отъ дѣлежа земли сообразно съ ея естественными качествами. Подобныя явленія указываютъ на то, что въ области хозяйственной община не является помѣхой".

Какъ симптомъ культурной и экономической отсталости русскаго народа, современная передѣльная община заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Но нельзя смотрѣть на нее, какъ на причину этой отсталости. Осуществленіе программы реформъ, выработанной сельскохозяйственными комитетами, поднявъ экономическій уровень народа и его духовную и правовую культуру, вызвало бы прогрессивное развитіе общины—въ направленіи, уже теперь намѣчающемся русской жизнью.

Въ комитетахъ указывалось на возможность развитія общины въ направленіи кооперативнаго производства. М. Н. Буткевичъ отмѣчалъ въ тихвинскомъ комитетѣ, что „община можетъ развиться и приспособиться къ артельно-общинному производству, т. е. къ за-

земли, передѣлы становятся все рѣже и рѣже. При поверхностномъ предвзятомъ отношеніи къ вопросу, можно бы изъ этого вывести заключеніе, что продолжительные сроки передѣловъ сдѣлали возможнымъ улучшенный способъ сельскаго хозяйничанья. Между тѣмъ, въ дѣйствительности дѣло происходило несомнѣнно въ обратномъ направленіи. Только потому, что въ данной мѣстности община сознавала необходимость улучшить систему хозяйничанья, она рѣшалась продлить сроки владѣнія землей".

мѣнѣ уравнительнаго распредѣленія общинной земли совмѣстной ея обработкой съ дѣлежомъ продукта, чему примѣры, по отношенію, главнымъ образомъ, къ лѣсу и сѣнокосу, наблюдаются и въ настоящее время". Аналогичныя замѣчанія дѣлались въ кишиневскомъ, переяславскомъ, костромскомъ у., горбатовскомъ, пермскомъ губ., тамбовскомъ у. и губ., ахтырскомъ, харьковскомъ у., шенкурскомъ и таганрогскомъ комитетахъ. Сарапульскій, кромскій и алексинскій комитеты приняли даже соотвѣтствующія постановленія. Однако, противъ развитія общины въ кооперацію говоритъ невыгодность крупнаго кооперативнаго производства въ земледѣліи сравнительно съ мелкимъ индивидуальнымъ хозяйствомъ. Съ другой стороны, въ комитетахъ указывалось на желательность развитія передѣльной общины въ арендную, по примѣру казачьихъ общинъ въ Троицкомъ у., гдѣ, какъ говорилось въ боровичскомъ комитетѣ, „пахатная земля арендуется общинниками у своего общества по потребности каждаго. Общество назначаетъ арендную плату на землю, и каждый дѣлаетъ взносъ въ общественную кассу пропорціонально размѣрамъ арендованной земли. Такимъ образомъ фактическимъ землевладѣльцемъ является юридическое лицо, община, а члены общины — арендаторами и участниками дохода общины. Благодаря такимъ условіямъ... уничтожаются передѣлы, замѣняемые арендной платой". За арендную общину высказались грайворонскій и боровичскій комитеты, о ней говорилось въ слободскомъ и шацкомъ комитетахъ. Грайворонскій комитетъ обратилъ вниманіе на то, что при арендной общинѣ „безлошадный хозяинъ-общинникъ не терялъ бы своей доли дохода съ причитающейся ему части общинной земли и могъ бы искать болѣе выгодный заработокъ въ отхожемъ промыслѣ, или какъ батракъ у болѣе зажиточнаго многолошаднаго хозяина. Можетъ быть, современемъ въ нѣкоторыхъ малоземельныхъ общинахъ съ характеромъ промышленныхъ селеній установится форма пользованія общинною землею на подобіе городского хозяйства, гдѣ въ сущности каждый домохозяинъ - горожанинъ является собственникомъ городской земли, сдаваемой какъ оброчная статья въ пользованіе съ торговъ".

При арендной общинѣ, дифференціальная рента, создаваемая общественною конъюнктурою, шла бы въ пользу общины и поровну распредѣлялась между ея членами; доходъ же съ меліорацій шелъ бы въ пользу предпринявшаго ихъ хозяина Такимъ образомъ, въ арендной общинѣ мы находимъ идеальное сочетаніе общиннаго землевла-

дѣнія съ подворнымъ пользованіемъ землею; въ подобной общинѣ каждый хозяинъ пріобрѣтаетъ права на полный продуктъ своего труда (чего нѣтъ въ передѣльной общинѣ) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, никто не апропріируетъ въ свою исключительную пользу „незаработанныя формы дохода", создаваемыя всей совокупностью общественныхъ отношеній. Въ нѣсколькихъ комитетахъ,—коротоякскомъ, устюженскомъ и гайсинскомъ,—былъ поднятъ даже вопросъ о націонализаціи земли, т. е. о передачѣ дифференціальной ренты не отдѣльнымъ общинамъ, а государству.

Однако, въ пользу арендной общины говорятъ не столько интересы настоящаго, сколько интересы будущаго; между тѣмъ, интересы будущаго пріобрѣтаютъ творческую силу только въ тѣхъ высококультурныхъ обществахъ, въ которыхъ все злободневныя задачи уже разрѣшены, всѣ ближайшія цѣли уже достигнуты. Мы сомнѣваемся, чтобы въ ближайшія задачи русскаго крестьянина входило разрѣшеніе задачъ будущаго: ему необходимо крайнее напряженіе силъ, чтобы справиться съ злободневными вопросами, не терпящими отлагательства. Поэтому, считая возможнымъ и желательнымъ въ ближайшемъ будущемъ развитіе арендной общины, мы полагаемъ однако, что духовная и матеріальная бѣдность русскаго народа заставитъ его предпочесть болѣе простую форму землепользованія, также обезпечивающую земледѣльцу права на полный продуктъ его труда,—подворное владѣніе землей. Въ этомъ случаѣ вопросъ о націонализаціи земли будетъ поставленъ на очередь черезъ нѣсколько десятилѣтій, послѣ накопленія народомъ необходимыхъ для его разрѣшенія духовныхъ и матеріальныхъ силъ.

## III.

Не только при общинномъ, но и при подворномъ владѣніи крестьяне живутъ у насъ скученно, деревнями, съ общимъ выпасомъ скота, обязательнымъ сѣвооборотомъ и черезполосицей. Разселеніе на хутора или односелья невозможно при общинѣ. Сторонники хуторского хозяйства ратуютъ, поэтому, за возстановленіе права выхода изъ общины для отдѣльныхъ дворохозяевъ. Въ комитетахъ указывалось, что подобный выходъ, сопровождаемый вырѣзомъ надѣла къ одному мѣсту, самымъ серьезнымъ образомъ нарушаетъ интересы

всей общины. Во-первыхъ, при трехпольномъ сѣвооборотѣ, выкупъ каждаго надѣла и вырѣзъ его въ одномъ углу,—въ одномъ полѣ,—дѣлаетъ необходимымъ передѣлъ всей общинной земли и измѣненіе границъ между смѣнами. Во-вторыхъ, подобный выдѣлъ, доступный и выгодный только для наиболѣе зажиточныхъ и многоземельныхъ дворовъ, способствуетъ дифференцированію крестьянства на богатыхъ хуторянъ и бѣдныхъ общинниковъ.

Малоземелье мѣшаетъ переходу „на колоніи“, „на румынки“ „на волоки“ и подворной Россіи. При современномъ уровнѣ крестьянской техники нельзя вести самостоятельное хозяйство на 2—3 десятинахъ или менѣе. Отсутствіе общественнаго выпаса является для малоземельныхъ дворовъ непреоборимымъ затрудненіемъ. Такъ, въ сумскомъ комитетѣ указывалось, что „первый отвѣтъ крестьянина на вопросъ, отчего не переселяется онъ на свой надѣлъ—„земли мало“. Что онъ сдѣлаетъ, если вдругъ въ его распоряженіи окажется 300—400 руб., необходимыхъ для перенесенія усадьбы въ другое мѣсто? Перенесетъ ли усадьбу ближе къ надѣлу? Нѣтъ, онъ купитъ десятину земли хотя бы въ 10 или 15 верстахъ отъ мѣстожительства. Повторяемъ, собственной земли у крестьянина настолько мало, что поиски за заработкомъ или арендой являются главнымъ факторомъ, опредѣляющимъ его отношеніе къ своему хозяйству. До тѣхъ поръ, пока земли у крестьянъ будетъ оставаться столько же или меньше, чѣмъ теперь, малоземелье должно парализовать всякое стремленіе къ разселенію“. Съ другой стороны, чѣмъ меньше земли у крестьянина, тѣмъ менѣе полезенъ для него переходъ къ хуторскому хозяйству. Объ интенсификаціи хозяйства малоземельный бѣднякъ не можетъ и думать, что же касается экономіи времени и труда, доставляемой близостью полей къ усадьбѣ, то она безполезна для малоземельнаго крестьянина, страдающаго отъ отсутствія работы и заработковъ, отъ избытка свободнаго времени.

Поэтому, разселеніе выгодно только при извѣстномъ уровнѣ матеріальнаго благосостоянія. Для бѣдняковъ разселеніе не только не выгодно, но даже вредно: при переходѣ на колоніи, безземельные и такъ наз. огородники, т. е. владѣющіе только усадебными участками безъ полевой земли, теряютъ право пользованія общественной толокой для выгона своего скота. На невыгодность разселенія для бѣднѣйшихъ жителей деревни указывалось въ сумскомъ, гродненскомъ губ., слонимскомъ, гайсинскомъ, могилевскомъ у. (Под.), проску-

ровскомъ и каневскомъ комитетахъ. Въ могилевскомъ у. комитетѣ указывалось, что „особенно тяжело эта потеря должна отозваться на самыхъ бѣдныхъ крестьянахъ, владѣющихъ однимъ моргомъ и меньше земли. Въ настоящее время возможность выгнать на общественное пастбище свинью и нѣсколькихъ овецъ являлась единственнымъ подспорьемъ ихъ ничтожнаго хозяйства". Между тѣмъ, сельскія общества не только не обнаруживаютъ склонности вознаградить этихъ своихъ бѣднѣйшихъ членовъ за утрачиваемое ими при переходѣ къ хуторскому хозяйству право на общественный выпасъ, но даже—какъ указывалось въ гродненскомъ губ. комитетѣ—готовы всячески тѣснить ихъ, требуя ихъ выселенія на окраины полевого надѣла. Разселеніе не выгодно также для слѣдующаго слоя сельскаго населенія—крестьянъ, владѣющихъ 2—3 десятинами. Какъ указывалось въ кіевскомъ губ. комитетѣ, „хуторская система вовсе немыслима въ мѣстностяхъ, гдѣ надѣлы на семью доходятъ до 2—3 десятинъ. Устройство такихъ мелкихъ хуторовъ потребуетъ милліардныхъ затратъ на рытье колодцевъ, окопы, огороды, отводъ дорогъ, перенесеніе построекъ". Наконецъ, противъ разселенія высказываются также деревенскіе богатеи, пользующіеся своею экономическою силою для эксплоатаціи своихъ бѣднѣйшихъ односельчанъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Порѣчскомъ и Витебскомъ уѣзд., для деревенскихъ богачей невыгодно уничтоженіе общественной толоки, такъ какъ они держатъ скота непропорціонально много, несоотвѣтственно своему земельному надѣлу, на зиму прикупая сѣно на сторонѣ; благодаря этому, скотъ бѣдняковъ лѣтомъ голодаетъ, не находя корма на выбитой скотомъ богачей толокѣ. Въ Гродненской и Кіевской губ. деревенскіе богачи пользуются большимъ количествомъ земли, чѣмъ имъ принадлежитъ по праву, и поэтому протестуютъ противъ разселенія, при которомъ неизбѣжно отъ нихъ были бы отрѣзаны захваченные участки земли. В. З. Былина указывалъ въ радомысльскомъ комитетѣ, что на разселеніе не соглашаются „всегда самые богатые крестьяне, вліяющіе въ этомъ же направленіи на голоса зависящихъ отчасти отъ нихъ, благодаря ихъ состоятельности, болѣе бѣдныхъ односельчанъ. При надѣлѣ, кромѣ казеннаго подворнаго надѣла, считающагося собственностью владѣльцевъ этого двора, крестьяне получили много другихъ земельныхъ угодій различнаго вида, среди которыхъ видное мѣсто занимали такъ называемыя „неудобныя земли", занятыя во время на-

дѣла мелкимъ лѣсомъ, кустарникомъ, болотомъ, нерасчищеннымъ сѣнокосомъ и пр. Собственникомъ вышеозначенныхъ угодій считалось все общество, такъ какъ лично никто ими до надѣла не пользовался. Со временемъ болѣе сильные дворы, мало-по-малу захватывая и обращая эти неудобныя, граничащія съ ихъ полями, угодья въ поля и сѣнокосы (на что болѣе бѣдные, владѣющіе, однако, еще полными надѣлами односельчане сразу не обращали вниманія), завладѣли ими вполнѣ и считаютъ ихъ теперь своей надѣльной собственностью. Подобные захваты отдѣльными крестьянами общественной земли иногда превышаютъ ихъ казенные надѣлы. Сознавая неправильность своего владѣнія и зная, что при передѣлѣ участковъ на ихъ долю выпала бы только незначительная часть общественной земли, они, неудивительно, всѣми силами стараются препятствовать всякимъ передѣламъ". Въ Гродненской губ. эти излишки земли у богатыхъ крестьянъ образовались путемъ распашки общественныхъ выгоновъ и захвата земли смежныхъ владѣльцевъ.

Противъ разселенія крестьянъ говорятъ также нѣкоторыя культурныя соображенія. Въ камышинскомъ комитетѣ указывалось, что „цѣль разселенія крестьянъ—желаніе поселить ихъ ближе къ обрабатываемой ими землѣ, дабы они болѣе заботились о ея улучшеніи, но пашня у насъ продолжается въ году только 3—4 дня, а уборка 1—2 недѣли, на которыя крестьяне обыкновенно переѣзжаютъ на обработываемые ими дальніе участки, а остальное время года они живутъ въ большихъ селахъ, являющихся обыкновенно культурными и промышленными центрами. Тамъ имѣются школы, церкви, развиты различныя производства, дающія заработокъ населенію, поэтому и люди въ такихъ селахъ зажиточнѣе, развитѣе, и общественное благоустройство лучше". Конечно, болѣе интенсивное хозяйство западной Россіи требуетъ затраты большаго количества труда, почему на западѣ приближеніе усадьбы къ полямъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ на экстенсивномъ востокѣ,—однако, и тамъ разселеніе на колоніи имѣетъ свои невыгодныя стороны. Какъ замѣтилъ Я. А. Харкѣевичъ въ нижнедѣвицкомъ комитетѣ. „несомнѣнныя выгоды его въ хозяйственномъ отношеніи почти всегда соединяются и съ неизбѣжно соединенными съ разселеніемъ расходами по постройкѣ церкви въ поселкѣ, по устройству школы и т. д., увеличиваются расходы жителей и на поѣздки по всѣмъ нужнымъ дѣламъ въ волостное правленіе и т. д." Сюда надобно еще прибавить пользованіе въ селахъ лавками и

базарами и трудность организаціи медицинской помощи при хуторскомъ хозяйствѣ. Поэтому мы никоимъ образомъ не можемъ признать, что примѣру ковенскаго губ. комитета, разселеніе на колоніи „краеугольнымъ камнемъ дальнѣйшаго улучшенія сельскаго быта". Если въ однихъ случаяхъ подобное разселеніе желательно, то въ другихъ вредныя его стороны перевѣшиваютъ полезныя; все зависитъ отъ окружающихъ общественныхъ и экономическихъ условій. Поэтому правительство не можетъ брать на себя регламентацію или реформу земельныхъ порядковъ въ сельскомъ обществѣ; всякое вмѣшательство его въ эту интимную сторону жизни крестьянъ явилось бы нарушеніемъ самыхъ основныхъ, самыхъ жизненныхъ интересовъ ихъ. Вмѣшательство правительства можетъ выразиться лишь въ охранѣ интересовъ отдѣльныхъ членовъ общества, нарушаемыхъ при переходѣ отъ одной формы землепользованія къ другой (напр., интересы такъ называемыхъ „огородниковъ" при разселеніи на хутора)

Въ трудахъ гродненскаго губ. комитета мы находимъ слѣдующее описаніе самаго механизма разселенія на хутора: „Часть крестьянъ Роменскаго и Ковенскаго уѣздовъ, начиная съ 1870 года и даже ранѣе, начала переходить на колоніи и для уничтоженія чрезполосности устраиваться на отдѣльныхъ окружныхъ обрубахъ, въ центрѣ которыхъ отводится усадьба каждаго колониста. По отзывамъ самихъ колонистовъ, колоніальное владѣніе даетъ возможность выбрать любой сѣвооборотъ, и колонисты сразу пользуются этой возможностью, заводя въ первые же годы по переходѣ на колонію четырехпольное и потомъ 5—9-польное хозяйство... За основную единицу при устройствѣ колоній принималась не стоимость колоніи, а пространство земли. При образованіи колоній вся земля усадебная, пахатная и пастбищная соединялась вмѣстѣ и затѣмъ раздѣлялась на отдѣльные участки, по нѣкоторымъ же сдѣлкамъ, въ особенности по Ковенскому уѣзду, усадебная земля оставалась въ пользованіи прежнихъ владѣльцевъ, а дѣлилась на колоніи только пахатная и пастбищная земля. Если кто изъ крестьянъ не соглашался переходить на колоніи, то землемѣръ оставлялъ землю несогласныхъ на прежнихъ мѣстахъ. Такъ какъ по качеству почвы земельные участки вполнѣ равноцѣнными не могли быть, то дѣлалась оцѣнка участковъ съ подраздѣленіемъ на лучшіе и худшіе и устраивался торгъ на участки, съ тѣмъ, чтобы сумма, вырученная отъ продажи лучшихъ участковъ, назначалась въ приплату крестьянамъ, изъявившимъ желаніе получить худ-

шіе участки. Приплата къ худшимъ участкамъ иногда доходила до 1.000 руб. и болѣе. Оставшіяся отъ приплатъ деньги дѣлились поровну между всѣми домохозяевами". Сверхъ этого способа колонизаціи,—торговъ на равновеликіе, но разноцѣнные участки,—въ Ковенской губ. практиковались еще слѣд. два: 1) доплаты на равновеликіе, но разноцѣнные участки опредѣляются сходомъ, участки распредѣляются между хозяевами по жребію; 2) вся земля дѣлится на равноцѣнные, разной величины участки, распредѣленные по жребію. Въ Гродненской и Волынской губ. колоніи выравнивались по цѣнности и распредѣлялись по жребію. Въ Витебской губ. практиковалась система торговъ.

Судя по трудамъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, разселеніе на колоніи происходило въ слѣд. губерніяхъ: Псковской (Новоржевскій у.), Смоленской (Порѣчскій), Витебской (Рѣжицкій, Витебскій), Ковенской (Вилькомірскій, Ковенскій, Новоалександровскій, Поневѣжскій, Россіенскій, Тельшевскій), Гродненской (Слонимскій), Сувалкской (Владиславскій, Волковыскій, Кальварійскій, Маріампольскій), Варшавской (Ловичскій), Плоцкой, Волынской (Житомірскій, Новоградволынскій, Овручскій) и Подольской (Проскуровскій). Съ разселеніемъ на колоніи уменьшается количество пожаровъ, эпизоотіи и конокрадство почти прекращаются.

*С. Прокоповичъ.*